

ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Тезис о необходимости разработки моделей исследования пространственной структуры образовательной среды в контексте решения задач школьного управления был сформулирован Г.А.Ковалевым [10], который подчеркивал преобладание в организации пространства образовательной среды «жестких», «монологичных», «авторитарных» конструкций. Современная практика организации пространства образовательной среды свидетельствует о широком распространении в школе иных стратегий, идеология которых предполагает возможность, в частности, свободного перемещения ученика по классу во время занятия, исключает препятствующую общению расстановку мебели в классе и пр.

Использование различных форм организации пространства образовательной среды требует своего теоретического осмысления с целью понимания как механизмов, лежащих в основе их функционирования, так и целесообразности их использования.

Актуальность обращения к психологической репрезентации пространственно-предметной среды (ППРС) обыденной жизни человека определяется, прежде всего, поиском детерминант, обеспечивающих создание эффективной, ресурсной среды жизнедеятельности человека, в частности, оптимальной среды взросления и социализации субъекта (М.В.Осорова [18], В.И.Панов [21], В.В.Рубцов [25], Д.И.Фельдштейн [26] и др.).

В качестве одной из теоретических конструкций, позволяющих сделать организацию пространства образовательной среды предметом психологического исследования, может служить модель психологической репрезентации пространственно-предметной среды обыденной жизни [22], изложению основных положений которой и посвящена настоящая статья.

Историческая логика анализа обозначенной проблемы свидетельствует о существовании огромного количества исследований, выполненных в самых различных методологических направлениях, и систематизированных в рамках экологической психологии (С.Д.Дерябо, В.А.Ясвин [8], Г.А.Ковалев [10], Е.А.Лапин [11], В.И.Панов [21], и др.). В качестве самостоятельных теоретических концепций, определяющих ракурс исследований в области взаимосвязи человека и ППРС, можно выделить следующие: во-первых, теория «мест поведения» Р.Баркера [30], предметом которой стали средовые условия поведения человека, то есть объективная среда; во-вторых, «теория поля» К.Левина [12, 13] в фокусе которой – «субъективная среда» или «жизненное пространство», определяемое как «постперцептивное и доповеденческое». Самостоятельное и исключительное место в проблематике взаимосвязи организма и среды занимает экологическая теория восприятия Дж.Гибсона [7], где пространство описывается как экологически обусловленная данность пространственных свойств и отношений, которые обеспечивают или не обеспечивают возможность (affordance) тех или иных действий и функционально присущи данному виду животного. Обозначенные методологические направления определяют существование в самом общем виде двух подходов в анализе взаимосвязи человека и окружающей его ППРС: когда объектом исследования становится взаимодействие субъекта и ППРС, и, когда объектом исследования становится отражение свойств и качеств ППРС в сознании субъекта.

Последнее направление исследований в области взаимосвязи человека и ППРС, ориентированное на выявление закономерностей и процессов, лежащих в основе отражения субъектом свойств и качеств окружающей его среды, корнями своими уходит в фундаментальные положения психологии восприятия, связанные, прежде всего, с описанием свойств и структуры чувственного образа (Б.Г.Ананьев [1], В.А.Барабанщиков [3], Л.М.Веккер [4], В.П.Зинченко, Н.Ю.Вергилес [9], А.Н.Леонтьев [14], А.Д.Логвиненко [16] и др.), с концептуальными положениями теории порождающего восприятия (А.И.Миракян [17], Д.А.Ошанин [19], В.И.Панов [20] и др.), а в рамках проблематики ППРС обыденной жизни эксплицируется, в основном, в исследованиях в области когнитивной психологии

(Б.М.Величковский, И.В.Блинникова, Е.А.Лапин [5], С.Э.Габидулина [6], Е.А.Лапин [11], Х.Э.Штейнбах [27] и др.), где актуализируется когнитивный план анализа перцептивного процесса (репрезентация среды, ее схема, план сбора информации и т.п.), а предметом является функциональная система пространственного познания, включающая как относительно низкоуровневые знания процедурного типа (автоматизированные навыки ориентации), так и сложные когнитивные механизмы порождения смысловых образований.

В качестве тенденции, определяющей качественное своеобразие данного направления, отмечается превалирование исследований в рамках гносеологической парадигмы, которая сориентирована на изучение состава и структуры информационного содержания восприятия, и дефицит исследований, очерченных онтологической парадигмой, когда чувственный образ становится осознаваемым, появляется ценностная составляющая восприятия, эстетический и нравственно-этический моменты (В.А.Барабанщиков [3], В.И.Панов [21]).

Обзор существующих направлений в области изучения представленности реальной окружающей среды в сознании субъекта позволяет сделать вывод о том, что в современной психологии отсутствует область исследований, предметом которой является системный анализ как чувственного, так ценностно-смыслового аспекта репрезентации обыденной ППрС жизнедеятельности человека. В психологическом тезаурусе не представлена единица анализа репрезентации ППрС реальной жизнедеятельности человека, в рамках которой были бы объединены как формальные, так и содержательные (ценностно-смысловые) аспекты репрезентации, и которая могла бы стать универсальной для изучения особенностей репрезентации индивидом различных типов ППрС.

Актуализация онтологического ракурса воспроизведения проблематики репрезентации ППрС обыденной жизнедеятельности индивида в ее исходных теоретических и эмпирических основаниях делает целесообразной попытку выделения единицы репрезентации, которую нельзя было бы «раздробить» на более мелкие единицы, поскольку ее специфичность будет исчезать по мере исчезновения ее свойств, а можно было бы только «надстроить».

В качестве такой единицы мы определяем «место-ситуацию», которая в самом общем виде определяется нами как форма репрезентации ППрС жизнедеятельности субъекта, где место характеризует пространственные параметры среды, а ситуация – ее временные параметры. Содержательный потенциал понятия "место-ситуация" возможно вскрыть лишь через континуум, реестр, многообразие ситуаций, в которые попадает определенное место. ППрС в индивидуальном (обыденном) сознании представлена именно как континуум мест-ситуаций.

В качестве базовых аспектов, составляющих место-ситуацию и образующих ее структуру, могут быть выделены, во-первых, чувственный уровень, который обусловлен закономерностями внутренней организации восприятия и имеет базовый, универсальный характер, во-вторых, уровень смыслов, когда «...чувственный образ становится осознаваемым, появляется ценностная составляющая восприятия, нравственно-этический и эстетический моменты» [3. С.61].

Содержание чувственного уровня репрезентации места-ситуации определяется психофизиологическими закономерностями, лежащими в основе восприятия пространства. Данный уровень проявляется в том, что к числу базовых качеств репрезентации ППрС в форме места-ситуации относятся собственно "пространственные", формальные (не содержательные) ее качества. К таким свойствам, качествам, характеристикам репрезентации относятся, например открытость - закрытость, структурированность - хаотичность, сложность - простота, размер, акцентированность - нивелированность, динамика - статика места-ситуации и др.

Уровень смыслов в репрезентации ППрС задается потребностями субъекта и теми возможностями, которые предоставляет ППрС для их удовлетворения. Исходные основания для выделения данного аспекта репрезентации усматриваются, во-первых, в актуализации онтологического подхода к изучению восприятия вообще [4, 22]; во-вторых, в теоретическом обосновании роли значения как качественной характеристики репрезентации [16] и необходимости ее эмпирического подтверждения на примере репрезентации ППрС жизнедеятельности человека.

Ведущим критерием, который лежит в основе типологизации среды жизнедеятельности человека, является функциональный критерий, на основании которого выделяют жилую среду,

производственную (образовательную) среду, рекреационную среду и городскую среду как самостоятельные типы ППрС обыденной жизнедеятельности человека.

Для разработки программы эмпирической экспликации представления о месте-ситуации как о форме репрезентации ППрС жизнедеятельности субъекта были использованы следующие методы: ассоциативный эксперимент, на основании которого был составлен тезаурус мест-ситуаций и определений, с помощью которых эти места могут быть оценены; процедура субъективного шкалирования (на материале контрастных фотографий мест-ситуаций); упорядочивание исходных данных с помощью факторного анализа; интерпретация выделенных факторных структур.

Выборка составила 248 студентов разных вузов г.Красноярска обоего пола.

На первом этапе исследования решалась задача эмпирического выделения мест-ситуаций обыденной жизни человека и прилагательных, с помощью которых могли бы быть охарактеризованы выделенные формальный и содержательный аспекты репрезентации ППрС.

Решение этой задачи состояло из нескольких процедур. Первоначально был составлен тезаурус мест, а также тезаурус ситуаций, то есть временных, динамических единиц, в которых могло быть представлено каждое выделенное место. Для решения этой задачи, во-первых, был предпринят сплошной просмотр толковых словарей русского языка, что позволило выделить места обыденной ППрС, имея источником отбора материала кодифицированный русский язык. Во-вторых, составленные списки дополнялись данными, полученными в результате опроса респондентов, которым предлагались следующие инструкции: «Назовите (запишите) любые места, известные Вам, которые можете вспомнить», «Назовите временные параметры оценки выделенных Вами мест, с которыми они в большей степени ассоциируются (например, утро, день, осень, лето, полдень и пр.). Время на выполнение данных заданий не ограничивалось. В результате были получены тезаурусы мест (232 места) и ситуаций (16 временных предикатов).

На основании полученных данных были выделены следующие типы ППрС: «жилая среда» (ванная комната, вилла, горница, гостиная, детская, жилище, кабинет, квартира, комната, спальня, «хрущевка», хоромы и др.); «придомовое пространство» (двор, подъезд), «производственная среда» (амбар, аптека, библиотека, больница, гостиница, кладбище, магазин, офис, рынок, тюрьма, церковь, школа и др.); «рекреационная среда» (дендрарий, дискотека, каток, кафе, кинозал, клуб, парк, театр, цирк и др.); «пространство передвижения» (автобус, автовокзал, аэропорт, вокзал, остановка, транспорт, шоссе и др.); «городская среда» (Академгородок, бульвар, мостовая, перекресток, переулок, площадь, пустырь, район, улица и др.) и «природная среда» (берег, водоем, деревня, лес, луг, море, озеро, поляна, река, тайга и др.).

Количественный анализ показал, что по числу упоминаний в записях респондентов максимальные показатели принадлежат местам, относящимся к типам «природная среда» (49% всех сюжетов) и «жилая среда» (19% всех сюжетов), а меньше всего было названо мест, относящихся к типу «городская среда» (9% всех сюжетов). Предикаты, которые квалифицировали временной параметр места, определялись совокупностью времени года и времени суток, которыми обозначалось данное место (например, автобусная остановка зимой ранним утром).

Следующая задача, которая решалась в данной части исследования – определение и систематизация определений или прилагательных, с помощью которых выделенные места могли бы быть описаны. Для решения этой задачи, во-первых, был предпринят сплошной просмотр толковых словарей русского языка, что позволило выделить прилагательные, имея источником отбора материала кодифицированный русский язык. Во-вторых, составленные списки дополнялись данными, полученными в результате опроса респондентов, которым предлагалась следующая инструкция: «Назовите (запишите) определения, с помощью которых Вы могли бы описать названные места». Время на выполнение данного задания не ограничивалось. В результате обеих процедур был составлен тезаурус определений (182 прилагательных).

Данные определения были систематизированы согласно выделенным формальному и содержательному аспектам репрезентации ППрС. Так, к числу определений, соответствующих формальному аспекту репрезентации, были отнесены такие, как: «открытый», «хаотичный», «компактный», «акцентированный», «просторный», «прочный», «пропорциональный» и т.д., а в качестве определений, соответствующих содержательному аспекту репрезентации ППрС, были

отнесены такие прилагательные, как «богатый», «новый», «фешенебельный», «аккуратный», «чистый», «близкий», «радостный», предпочитаемый», «изысканный» и др.

Опираясь на положения, разработанные в области исследований значений и смыслов, которыми субъект наделяет действительность, интерпретируя содержания получаемой им информации, - экспериментальной психосемантике [2, 6, 23, 24 и др.), и учитывая, что операциональным аналогом категориальной структуры индивидуального сознания являются семантические пространства – «системы признаков, описаний объектной социальной действительности, определенным образом структурированные», [23. С. 53] в качестве самостоятельной задачи мы определили составление «пространственного» семантического дифференциала, отражающего систему тех признаков, свойств ППрС, которыми данная среда представлена в сознании субъекта. Этот семантический дифференциал затем предполагалось использовать в качестве инструмента, диагностирующего особенности репрезентации различных типов ППрС.

В решении этой задачи мы исходили из принципов, разработанных в экспериментальной психосемантике, согласно которым в методике семантического дифференциала процесс описания исследуемого объекта может рассматриваться как помещение его в экспериментальный континуум, определяемый парой антонимичных терминов. Пространство определений-антонимов, в котором оценивались места-ситуации, было сформировано на основе универсальных шкал, составляющих семантическое пространство (Ч.Осгуд, В.Ф.Петренко), а также за счет увеличения шкал, ориентированных на денотативные, а не на коннотативные компоненты и имеющих независимый характер. В качестве последних использовались включенные в тезаурус определений прилагательные. Количество всех шкал после их систематизации с учетом выделения антонимов, составило 91 шкалу.

Процедура разработки «пространственного» семантического дифференциала осуществлялась следующим образом: в качестве объектов оценивания респондентам предъявлялись 11 контрастных фотографий мест-ситуаций обыденной жизни. Фотографии были сделаны с учетом типов мест, выделенных ранее. Процедура измерения была классической: испытуемые оценивали 11 изображений по 91 униполярной семибалльной шкале (3, 2, 1, 0, -1, -2, -3). На основании сходства оценок по шкалам была построена матрица расстояний шкал, которая затем подверглась процедуре факторного анализа. Все статистические процедуры осуществлялись с помощью программы SPSS 9.0.

На основании полученных в результате факторизации данных был определен набор шкал, которые составили содержание "пространственного" семантического дифференциала. Разработанный семантический дифференциал включает в себя два аспекта, составляющих содержание репрезентации ППрС: формальный (прочность, размер, динамика, структура) и содержательный, который, в свою очередь, представлен прагматической (освоенность, польза, ресурсность, контроль) и этико-эстетической (свобода, безопасность, близость, привлекательность) составляющими.

С целью сравнительного анализа особенностей психологической репрезентации различных мест-ситуаций обыденной жизни нами были использованы следующие методы: тематический рисунок «Нарисуй любое место», для выполнения которого предлагалась следующая инструкция: "Каждый человек может назвать много разных мест, где он бывал раньше или бывает сейчас. К таким местам, в частности, относятся: дом, где мы живем, место нашей работы, улицы, магазины, больницы, вокзалы и пр. Нарисуйте, пожалуйста, на листе, предложенном Вам, любое из известных Вам мест, с которым связана Ваша жизнь". Время для выполнения рисунка ограничивалось одним учебным часом. Рисунок выполнялся цветными карандашами.

Всего было проанализировано более 1800 рисунков респондентов обоего пола в возрасте от 5 до 85 лет, из всей совокупности которых были отобраны по 250 рисунков, сюжеты которых соответствовали выделенным нами типам мест-ситуаций (рекреационная среда, природная среда, жилая среда, производственная среда, городская среда, предпочитаемые места, отвергаемые места). Каждый рисунок места-ситуации оценивался с помощью разработанного семантического дифференциала экспертами (15 человек - практические психологи, преподаватели психологии, а также студенты ППФ КГУ), то есть эксперт оценивал место-ситуацию, изображенное на рисунке

по семибалльной шкале СД, после чего полученные данные были подвергнуты факторизации.

В результате эмпирического исследования определено, что в сознании субъекта ППрС в большей степени представлена местами-ситуациями природной и рекреационной среды, а в меньшей степени – местами-ситуациями городской среды. Эти и другие типы ППрС («жилая», «производственная (образовательная)», «рекреационная», «природная» и «городская») представлены в сознании субъекта разными свойствами (параметрами), что выражается в характере соотношения аспектов (уровней), составляющих базовые компоненты репрезентации ППрС. В оценке мест-ситуаций природной (рекреационной) и жилой среды преобладает содержательный (ценностно-смысловой) аспект репрезентации ППрС, представленный такими параметрами, как «полезный», «избыточный», «контролируемый», «доступный», «красивый», «свободный», «спокойный», «родной». В оценке городской (публичной) среды преобладает формальный аспект репрезентации ППрС, представленный такими шкалами, как «большой», «прочный», «динамичный», «упорядоченный». Сравнительный анализ результатов факторизации данных по оценке предпочитаемых и отвергаемых мест-ситуаций показал, что в оценке предпочитаемых мест превалирует ценностно-смысловой аспект, то есть, содержание полученных факторов составляют шкалы, характеризующие содержательный аспект репрезентации, а именно этическую и эстетическую составляющие, а в оценке отвергаемых мест превалирует формальный аспект репрезентации.

Данная модель может быть использована в исследовании особенностей психологической репрезентации пространства образовательной среды с целью выявления системы свойств, которыми данная среда представлена в сознании субъектов.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. - М.: Наука, 2001. - 279 с.
2. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. - М.: Наука, Смысл, 1999. - 350 с.
3. Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. - СПб.: Алетейя, 2002. - 512 с.
4. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. - М.: Смысл; Per Se, 2000. - 685 с.
5. Величковский Б.М., Блинникова И.В., Лапин Е.А. Представление реального и идеального воображаемого пространства //Вопросы психологии. - 1986. - № 3. - С. 103-113.
6. Габидулина С.Э. Психосемантика городской среды (объективные и субъективные факторы отношения горожан к элементам городского ландшафта). – Автореф. Дисс. ... канд. Психол.н. – М., 1991. – 23 с.
7. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. – 464 с.
8. Дерябо С.В., Ясвин В.А. Методологические проблемы становления и развития экологической психологии //Психологический журнал, 1996. - № 6. – С. 4-18.
9. Зинченко В.П., Вергилес Н.Ю. Формирование зрительного образа (исследование деятельности зрительной системы) - М.: МГУ, 1969. - 106 с.
10. Ковалев Г.А. Психическое развитие ребенка и жизненная Среда //Вопросы психологии. - 1993. - № 1. - С. 13 - 23.
11. Лапин Е.А. Пространственные репрезентации в деятельности человека. Автореф. Дисс. ... канд.психол.н. – М., 1987. – 23 с.
12. Левин К. Определение понятия «поле в данный момент» //История психологии. Период открытого кризиса начала 10-х – середины 30-х годов. – М.:МГУ, 1992. – С. 190-203.
13. Левин К. Теория поля в социальных науках. : Пер. с англ. - СПб., 2000. - 368 с.
14. Леонтьев А.Н. Психология образа //Вестник МГУ. Сер. 14, Психология. 1979. №2. - С.3-14.
15. Леонтьев Д.А. Психология смысла. - М.: Смысл, 1999. - 486 с.
16. Логвиненко А.Д. Чувственные основы восприятия пространства – М.: МГУ, 1985. – 223 с.

17. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. – М.- 1992. – 216 с.
18. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб.: Питер, 1999. – 288 с.
19. Ошанин Д.А. Предметное действие и оперативный образ: Избранные психологические труды. – М.- Воронеж, 1999. – 512 с.
20. Панов В.И. Непосредственно-чувственное восприятие движения объектов. – М.: ПИ РАО, 1993. – 139 с.
21. Панов В.И. Введение в экологическую психологию: Учеб. Пособие. Часть 1. - М.: Изд-во МНЭПУ, 2001. - 144 с.
22. Панюкова Ю.Г. Психологическая репрезентация пространственно-предметной среды обыденной жизни. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – 376 с.
23. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику. Исследование форм презентации в обыденном сознании. - М.: МГУ, 1983. - 176 с.
24. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. - М.: Изд-во МГУ, 1988. - 208 с.
25. Рубцов В.В. Психологическая поддержка современного образования //Известия Российской академии образования. – М., 1999.- С. 49-58.
26. Фельдштейн Д.И. Детство и социальный мир (социальное бытие детства в бытие социума) //Мир психологии. – 2002. - № 1. – С.9-20.
27. Штейнбах Х.Э. Восприятие и оценка городской среды. Автореф. Дисс. ...канд. психол.н. – Л., 1987. – 24 с.
28. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М., 1997.
29. Altman I. The Environment and the Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territory, Crowding. Monterey, 1975.
30. Barker R. Ecological psychology: Concepts and Methods for Studying the Environment of Human Behavior. Stanford, 1968.

Панюкова Юлия Геннадьевна,
 д.психол.н., доцент, профессор кафедры философии Сибирского юридического института
 МВД России (СибЮИ МВД России)
 660005 Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.
 Тел. 83912324934